

**Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов.
М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
2009. 367 с., табл., ил. (История сталинизма)**

Рецензируемая работа была инициирована Т.С. Кондратьевой (Франция), получившей в 2003 г. поддержку ряда французских научных организаций для реализации проекта, звучащего для русского уха несколько необычно: «Пароксизм советского режима, или Множество режимов в действии». В Москве ее поддержали исследователи во главе с А.К. Соколовым (Институт российской истории РАН). Так появился коллективный труд о неких «режимных людях», к которым, как выяснилось, можно отнести практически все население Советского Союза.

Во французском оригинале слово «режим» характеризует государственный строй или приемы администрирования. «Советский строй» звучал на французском как «советский режим» (с. 10). Однако в СССР говорить о режиме применительно к существующему строю мог только антисоветчик, хотя упоминания о «режимном предприятии» или «режиме секретности» встречались на каждом шагу. Плотная мозаика «ускользающих понятий» — характерная особенность советской системы, которую, к сожалению, порой не замечают даже профессиональные исследователи.

Советская система предписывала те или иные «режимы несвободы» всем гражданам. Запреты и ограничения возводились не только по социально-экономическому и личностному принципу, но и по территориальным параметрам. Первый раздел книги «Секретность территории, производства и документации» открывается статей В.А. Колосова и П.М. Поляна (Институт географии РАН) об ограничении территориальной мобильности и «конструировании пространства». Для России то и другое было обычным, но после 1929 г. все это стало приводиться «в соответствие с социальным статусом, а он, в свою очередь, определялся режимом, установленным для каждой социальной, этнической и территориальной группы населения» (с. 25). Так, труд бесправных «зэков» использовался для освоения районов с экстремальными природными условиями, жертвы этнодепортивной политики могли показать свое усердие в строительстве коммунизма в более обжитых регионах, а «плановые трудовые мигранты» («вербованные», «лимитчики») получали шанс проявить себя в относительно благоприятных климатических и социальных условиях. Еще до революции власть настолько преуспела в перекройке «неподатливого» социального пространства, что кое-кому и советская режимность кажется

чем-то естественным. Тем более, что порой ограничения личной свободы сопровождалось заметными материальными выгодами.

Н.В. Мельникова (Институт истории и археологии УрО РАН) в статье «Творцы советского атомного проекта в режимных городах» показала, что советская система не могла существовать без своего рода «элитного ГУЛАГа» в виде закрытых административно-территориальных образований, «которые отличались тщательно отобранным населением, высоким уровнем производственной и социальной инфраструктуры, привилегированным снабжением, повышенными стандартами материально-бытового обслуживания» (с. 49). Его обитатели ощущали себя привилегированным, а вовсе не ущемленным социальным слоем.

Система пыталась поставить себе на службу и пространство исторической памяти. Характерный пример — режим хранения секретных документов, о котором пишет Т.Н. Хорхордина (РГГУ). Все началось с появления в 1921 г. библиотечных «спецхранов» из запрещенных книг (с. 78–79). Затем архивистам пришлось переключиться на обслуживание репрессивной машины НКВД, влившись в это ведомство. Основной принцип их работы — «полная зависимость от органов политической власти и гипертрофированная секретность» (с. 80) — характеризует советский режим в целом. А поскольку пресловутая секретность разрасталась, подобно снежному кому, система, породившая ее, рано или поздно могла оказаться недееспособной, так как «реализация принципа режимности происходила в обстановке ломки человеческих судеб, пренебрежения профессиональным долгом, забвения личного достоинства и чувства ответственности» (с. 81).

Разумеется, лицо советской системы определяла производственная режимность. А.К. Соколов показал, что в условиях отсутствия рыночных отношений и надежных стимулов к труду у работников развивалось пренебрежительное отношение к своим профессиональным обязанностям, возникал соблазн использования рабочего времени в личных целях. Ситуация усугублялась, с одной стороны, драконовскими законами по отношению к нарушителям трудовой дисциплины, с другой — постоянными нарушениями трудового законодательства самими руководителями предприятий, вынужденными прибегать к «штурмовщине». Практика ГУЛАГа существенно повлияла на характер произ-

водства, особенно на «архипелаге закрытых предприятий» (с. 100). В послесталинский период «социалистическая» производственная режимность стала разлагаться. В условиях дефицита рабочей силы, обусловленного экстенсивным характером производства, «идейная» борьба с пьянством и хищениями не давала результата: прогулы среди коммунистов были не менее частыми, чем среди основной массы рабочих (с. 112). Автор заключает, что к концу советского периода «произошла атрофия практически всех установок в отношении к труду на производстве» (с. 125).

Особенно основательно практика «социалистической собственности», как проследила Т.С. Кондратьева, разлагала «материально ответственных лиц» (прежде всего в сфере торговли и снабжения). Но не только их: простые граждане, подозревавшие этих «лиц» в хищениях, вынуждены были постоянно пользоваться их услугами. Естественно, что и деятельность многочисленных государственных и «общественных» контролирующих органов становилась неэффективной. Дефицит, непрерывно порождаемый плановой экономикой, приводил к тому, что воротилы теневой экономики все больше ощущали свою безнаказанность и социальную востребованность (с. 139, 140).

Для советской системы было характерно растущее противоречие между формальным и реальным. Л.Н. Денисова в статье «Жизнь по колхозному Уставу» показала, что несмотря на расширение прав колхозников с 1920-х до конца 1980-х гг., они оставались незащищенными от произвола местного начальства и особенно деспотичных председателей колхозов, по-своему трактовавших их «права и обязанности». Это формировало особый тип ментальности: колхозники искренне осуждали «туесядцев», пытавшихся вырваться из безнадежного круга жизни, но вполне терпимо относились к расхищению колхозного имущества (с. 151–152). Обратной стороной «колхозного» образа жизни стало, с одной стороны, воровство и пьянство, с другой – «феминизация» деревни. Статья оказалась посвящена главным образом колхозницам, вероятно, потому, что ранее Денисова выступила с новаторской книгой на эту тему¹.

Представление о СССР как о большом ГУЛАГе, конечно, не лишено оснований. Однако очерк Г.М. Ивановой (Институт российской истории РАН) с пафосным названием «О, люди, люди с номерами! Вы были люди, не рабы» мало что добавляет на этот счет. Российские исследователи все еще предпочитают более обеспеченную документами политическую и экономическую историю ГУЛАГа²; на

социальный его аспект делают упор западные авторы. Иванова ограничивается выводом о том, что в лагерях «все было направлено на то, чтобы унижить, деморализовать заключенного, подорвать его здоровье... уничтожить в нем человека, личность» (с. 180). Это поверхностный взгляд. Куда более проникательно высказался известный диссидент В. Буковский: «В наших лагерях тебя хотели сделать не просто рабом, но таким, который поет и улыбается во время работы. Им было мало нас давить – они хотели, чтобы мы их за это благодарили»³. «Неясность вины и неопределенность конечной кары – это знак не только ГУЛАГа, но и всей советской системы, так или иначе мифифицировавшей соотношение преступления и наказания», – считает В.П. Булдаков⁴. Дело вовсе не в уничтожении личности как таковой. Системе нужны были «существа», полностью утратившие самостоятельное начало.

Несколько выходит за пределы хронологии сборника статья С.В. Журавлева (Институт российской истории РАН) «Режимность в эпоху смены режимов (на примере ОАО «АвтоВАЗ»)»: основная масса материала касается анализа болезненного процесса смены собственности. Но здесь убедительно показано, что советская система настолько развратила рабочих и служащих в социально-политическом и бытовом отношении, что в условиях приватизации они оказались беззащитным перед лицом как новых управленцев, так и преступных группировок. Они так и не смогли стать ни рачительными хозяевами, ни дисциплинированными тружениками на «своем» заводе (с. 209).

Особый раздел книги посвящен «Идентификации по режиму», который открывается статьей Г.В. Костырченко (Институт российской истории РАН) «Дамоклов меч “пятого пункта”». Официально советская система не допускала дискриминации по этническому принципу. На деле так называемое национально-государственное строительство положило начало возникновению новых иерархий: наверху оказались «нации», имевшие свою «союзную государственность»; внизу – экстерриториальные меньшинства, прежде всего евреи. Во второй половине 1930-х гг., после провозглашения И.В. Сталиным русских «самой революционной» нацией, а затем репрессий против «враждебных национальностей»⁵, сложилась своеобразная этническая иерархия. Параллельно шла планомерная смена руководящих кадров, апогей которой пришелся на 1943 г. При этом «чистка» евреев осуществлялась под видом борьбы с nepoтизмом и хозяйственными злоупотреблениями; интернационалистское ханжество сказывалось в том, что продолжал

действовать основанный в 1941 г. Еврейский антифашистский комитет (с. 224). К концу жизни Сталина антисемитизм вылился в «дело врачей». Во времена правления Л.И. Брежнева развернулась «борьба с сионизмом», евреев арестовывали и заключали в психбольницы по антисоветским статьям, а ряды «отказников» пополнялись за счет лиц, владевших «государственной тайной».

Система не допускала существования «чужих», в том числе мнимых. Отсюда, по словам Натали Муан (Высшая школа социальных наук, Париж), множественность «как социальных статусов, так и территорий, соответствующих социальной иерархии, что вело к отверждению всей структуры общества» (с. 257). Такой нейтральный, казалось бы, документ, как паспорт, снабженный штампом прописки, стал важнейшим инструментом контроля над населением той или иной местности по социально-экономическим, политическим и даже этническим критериям (с. 274). Система оставалась «классово-антагонистической» чисто внешне, на деле она была намного сложнее.

Особенности режима предполагали не только репрессивные, но и латентные формы идентификации. Л.В. Захарова (Высшая школа социальных наук, Париж) подняла вопрос о стремлении утвердить «советский образ жизни» на обыденном уровне путем регламентации моды. По ее мнению, «строгость режима моды усиливалась по мере смягчения политического режима после смерти Сталина» (с. 243), более того, это стало одним из атрибутов «железного занавеса»: не случайно первый фельетон о «стилягах» появился в марте 1949 г. одновременно с началом кампании против космополитизма (с. 248). Несомненно, что в основе советской «социалистической» моды лежало желание власти контролировать вкусовые пристрастия населения. Но вряд ли ее определяли только «крайний утилитаризм и рациональность», отражавшие «утопии всего советского строя» (с. 246). Советский «эгалитаризм» изначально был иерархичным – недаром начальству предписывался определенный стиль одежды.

Существовали даже особые режимы привилегий, часть которых рассмотрена в сборнике. Т.С. Кондратьева воспроизвела главу из своей книги о градационной символике номенклатуры⁶. Так, наверху властной пирамиды «иерархические тонкости» доходили до того, что соответственно чинам и званиям подавали в кабинет либо печенье, либо сушки (с. 295). На более низких уровнях, напротив, прогрессировала уравниловка.

Разумеется, главной привилегией становилось приобщение к «тайне» властвования.

В статье Н.В. Петрова (общество «Мемориал») подчеркивается, что «осознание своей исключительности стало характерной чертой сотрудников госбезопасности, которая и по сей день свойственна людям из «органов»» (с. 304). О неприглядном облике карателей и соглядатаев довоенного времени написано немало⁷. Изменилось ли положение позднее? При Н.С. Хрущеве «органы» лишились права наблюдать за партийными руководителями – это было, пожалуй, единственное принципиальное новшество. Примечательно, что после того, как Брежнев вспомнил о необходимости «классовой чистоты» карающих органов «пролетарской» партии, среди слушателей контрразведывательных факультетов Высшей школы КГБ (1977 г.) удельный вес рабочих был быстро доведен до 80%. Увы, и это не отменяло уже сложившегося правила: распределение молодых сотрудников осуществлялось по протекции – дело дошло до формирования настоящих «династий» (с. 306, 308). Наиболее существенное повышение заработной платы чекистов произошло в конце 1970-х – начале 1980-х гг.: теперь выпускник школы КГБ получал едва ли не вдвое больше молодого инженера (с. 322). Думается, однако, что это не особенно вдохновило чекистов.

М.Р. Зезина (Российская академия государственной службы при Президенте РФ) показала, что режим привилегий для интеллигенции определялся уровнем заинтересованности в ней государства: к 1980 г., когда острая нужда в «профессионально подготовленных кадрах» и людях искусства ушла в прошлое, привилегии приобрели скорее символическое значение. Так, примечательно, что членство в творческом союзе автоматически отсекало возможные обвинения в тунеядстве (с. 332). Зато среди так называемой творческой интеллигенции сформировались свои «верхи» и «низы»: первые имели громадные гонорары, квартиры и дачи, выезжали за границу; вторые могли оказаться на грани нищеты (с. 335, 336, 338). В любом случае режим существования тех и других определялся государственной политикой «кнута и пряника». Это, со своей стороны, стимулировало стукачество и склоки.

Несомненно, именно окостенелость всех рассматриваемых «режимов» привела к беспомощности основной массы населения в рыночных условиях. Это же породило корпоративные формы разворовывания хозяйственного наследия советского строя. По мнению Кондратьевой, в результате «встряски режимной рутины в 1990-е гг.» преимущество не случайно получила советская элита, вышедшая из верхов комсомола, КГБ и ВПК. Именно она знала, «как делается бизнес, совсем не обяза-

тельно по западным правилам, а по своим, в основном криминальным» (с. 356).

Очевидно, что в «самой передовой» советской системе сконцентрировались «несвободы» отдаленного прошлого. В.А. Колосов и П.М. Полян сравнивают ГУЛАГ с рабовладением, спецпоселения – с феодально-крепостническим строем, а добровольно-плановые миграции со столыпинской реформой, «вывернутой наизнанку» (с. 27). Похоже, что советское «режимное» пространство строилось скорее по квазифеодальным законам. Но что-то удерживает авторов от такого вывода.

Кондратьева отмечает, что не стоит делать из советской истории особую страницу, «выпадающую из общеевропейского и мирового контекста» (с. 358). Похоже, это дань компаративистской политкорректности. Тем более что далее она пишет нечто иное: «Сравнение... всегда обогащает, но в случае с советской историей следует семь раз отмерить, прежде чем утверждать, что что-то в ней было, как везде» (с. 359). Думается, лучше исходить из последнего. Трудно сказать, до какой степени руководители проекта остались довольны уровнем его реализации. Несомненно, сеть формальных и неформальных режимов, отражавших особенности иерархичности «социалистического» общества, была намного плотнее. Как бы то ни было, данная новаторская книга объясняет природу «советского строя» куда более

убедительно, нежели многие специальные исследования на этот счет.

Историю вообще следовало бы писать «через людей» и взаимосвязанные «режимы» их существования. Только тогда она станет и доходчивой, и убедительной.

**Т.Г. Леонтьева,
доктор исторических наук
(Тверской государственный
университет)**

Примечания

¹ См.: *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений. Трудные будни. М., 2003.

² См.: *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; *она же.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

³ Цит. по: *Эпльбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина «Большого террора». М., 2006. С. 237.

⁴ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 572.

⁵ См., например: *Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала».* Вып. 1. М., 1997; *Наказанный народ: репрессии против российских немцев.* М., 1999; и др.

⁶ См.: *Кондратьева Т.С.* Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М., 2006. С. 135–155.

⁷ См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник / Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М., 1999.

Проблемы государственного строительства и федеративных отношений на Северном Кавказе*

Последние десятилетия новейшей российской истории прошли под знаком укрепления в регионах страны вертикали власти. Ее слабость и некомпетентность все чаще называют причинами снижения темпов экономического роста, обострения социальных и межэтнических противоречий на местах. Наиболее проблемным, по единодушному признанию специалистов, является Северо-Кавказский федеральный округ. Дотационность входящих в него республик достигает 95%, а количество совершенных террористических актов уже дало повод представителям власти охарактеризовать положение дел в регионе как «едва ли не войну». Между тем созданный в январе 2010 г. округ стал не первым столь масштабным проектом решения социально-экономических и управленческих проблем развития региона. Достаточно вспомнить опыт существования Юго-

Восточной области и Северо-Кавказского края (1924–1934 гг.), образование которых как раз и призвано было помочь национальным автономиям преодолеть материально-технические и административно-территориальные трудности своего становления. И хотя в литературе так и не сложилось однозначной оценки найденного на тот период времени механизма их преодоления, краевыми органами власти было сделано немало для подъема и дальнейшего прогресса хозяйственной и социокультурной инфраструктуры Северного Кавказа. Показательно, что по истечении 7 десятилетий власти национальных республик вновь сталкиваются с теми же проблемами, что их предшественники, а регион в целом нуждается в разработке новой государственной стратегии развития.

Свое видение ситуации, сложившейся на Северном Кавказе, и путей выхода из нее

* *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М.: Гриф и К, 2011. 440 с.